

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

А. РАДЧЕНКО

НА ИСХОДЕ ЛЕТА...

Ловлю мгновенье на исходе лета...
Хоть песня до конца его не спета,
Цикады скоро в травах замолчат,
И яблоки по крышам застучат.

То август краем лето ущербляет,
Луна во тьме глазами сияет,
На небосклоне — яркие зарницы,
И почему-то ночью мне не спится.

Затихнет скоро песен летних звон...
Перебирая четки из рябины.
Ссыпает август звезды мне в ладонь,
И чьи-то губы шепчут: "Антонина..."

ДОЖДЬ В АВГУСТЕ

Нудная, косяя долгото
Посбивает листья с тополей.
Я увижу: лето из кувшина
Поливает мокрый Водолей.

Разрумянив на рябине гроздь
И храня ее для снегирей,
Август-месяц, запоздалый гость,
Прилетел с уборочных полей.

И убавив в клумбах пестрый цвет,
В прядь листья как снопом капнув хну,
Сушит ветром лету волоса,
Обернув в туманов пелену.

Опускаясь в днеи круговорот,
Лето чуть подсохнет и уйдет...
Грустный дождь, как маленький котенок,
По карнизу коготком скребет.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Гаснет ночь под крыльями рассвета,
И на стенке — отблесков панно.
Сосновый сотор, тронув занавеску,
Залетит в открытое окно.

Подо мной кровать тихонько скрипнет,
Отступает мгла со всех сторон,
Ранним утром тишину разбудит
Яростный будильника трезвон.

Просыпаюсь. И по блеклой раме
Тени в ясность медленно скользнут.
Я увижу: окна, встретясь с зорькой,
Сонные глазенки распахнут.

В. АРТАСЛАВСКИЙ

ИСПОВЕДЬ

Пути развязаны. Руки натружены.
Утренним маревом с глаз пелена
В даль улетучилась. Сердце разбужено.
Цель благородная в жизни видна.

Музы призывные звуки услышаны.
Прошлого камни пылятся у ног.
Время настало. Час пробил возвышенный:
Храм возводить у сплетенья дорог.

Силы мне дай сохранить, милый Господи,
Не оступиться и не оттолкнуть
Сирых, заблудших и тех, кого по свету
Странствия ветры без цели влекут.

Пусть же в обители этой смирение,
Веру и праведность, силы и свет
В тьме предстоящего, волю, терпение
С тонкой свечой им дарует Поэт.

С. ЧУВИН

СТУДЕНТ ПЕДУНИВЕРСИТЕТА

Я знаю, как сны превращаются в быль,
В немое похмелье уставшего духа,
В безмолвный мираж полумертвого слуха,
В кошмары и сказки, в бесплотную пыль.
Я знаю, как сны искажают нам жизнь,
Мы счастливы в них, но порой в этой время
Несем подсознания тяжелое бремя,
Что хочет все тени в тот сон уложить.
Я знаю, как сны изменяют судьбу,
Как мы, просыпаясь, пытаем у Бога,
Что значит та в сером тумане дорога?..
Но он не ответит на нашу мольбу.

МОНАСТЫРЬ НА КАМЕНКЕ

Карты трех дорог раскидаю веером,
И по ним мне выпадет — недалекий путь.
"Здравствуй, речка Каменка,
Приюти ты странника,
Под кустом калиновым дай ему уснуть."

Гулко звякнет у ворот монастырский колокол,
Созывая к трапезе тех, кого здесь нет...
Пыль веков рассыплется на босые
ноженьки,
Звездочки лампадами донесут свой свет.

Где ты, друг единственный?
Под песчаным берегом
Мне ответ пробублюкает говорливый ключ.
Слезы мои горькие росами раскинутся,
И опустит солнышко в Каменку свой луч.

И корнями вечными, обдирая ноженьки,
Я пройду по краюшку — Ох! Нелегкий путь...
Монастырь на Каменке
Выпадает камешком,
И ложится камешек этот мне на грудь.

Теплым летним вечером, с запоздавшим
солнышком,

Мне проплачет иволга поздний благовест,
Через камни острые,
Через травы росные
Долго-долго, милые, мне нести свой крест.

Л. ФЕДОРОВА

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ЛЮБОВЬ

Нам Бог дает и разум, и любовь,
Ведь мы живем, теряя все на свете.
Расстанемся — полюбим вновь,
Но между тем страдают наши дети.

Не лучше ли любовь свою сберечь,
Ведь мы любили же когда-то.
Обиду, злость внутри пресечь,
Душа ведь наша так богата.

Но нет! Расстаться мы спешим
И жить по-новому мечтаем.
Счастливыми мы быть хотим,
Но только как, порой не знаем.

А. ВАГАБОВ

За минутой другая придет,
По-другому придет, без стука.
Сердце песней тебя позовет:
Самых близких не надо аукать.

Звуки песни запомнит река,
Напоет их широким кленам,
Журавли разнесут в облака,
И гармошки ко всем влюбленным.

Над долиной реют горы,
Облака парят над ними.
Над долиной город гордых
На горах и вместе с ними
Холодны сердца, как камни.
В этом городе спокойном
Вечность там живет и память
Всех погибших в страшных войнах.
Души скрыты оболочкой
Нерушимой и красивой,
Крест у камня позолочен,
У которого просили
Милость к падшим у Иисуса,
Прекращенья всех страданий,
Предсказанья дел и судеб...
Но остались лишь преданья. —
Плиты, статуи и кости
И оплавленные горы.
Не погиб от нашей злости
Лишь из камня вечный город.

ХЛЕБ БАБУШКИ САШИ

Ах, если бы у меня была бабушка, — с грустью думала я, глядя с завистью на моих подруг. У них у всех были бабушки, только у меня одной не было, потому что мои обе ушли из жизни, не дождавись рождения внуки, едва успев вырастить своих многочисленных сыновей и дочек. Напротив нас, окна в окна, жила чужая бабушка, которую звали-величали Александрой Тихоновной. Но в деревне все называли ее бабкой Сашей или Сашулей.

Несмотря на возраст, на ее круглом лице, добром и приветливом, светились неукротимым молодым задором темные, как спелые вишни, глаза, каким-то чудом сохранившие свой естественный блеск до глубокой старости. Ее седые волосы с пробором посередине, заплетенные в две косы и уложенные вокруг головы, были аккуратно спрятаны под платочек.

Баба Саша ходила не торопясь, а разговаривала спокойно и негромко, выговаривая слова нараспел. Была она бесхитростной и любила людей, а в особенности нас, детей. Однажды один мальчишка, по-малолетству не умеющий выговаривать все буквы, пригласил, обращаясь к ней, не Сашуля, а Сасуля. С тех пор так и пошло: Сасуля да Сасуля. На прозвище это она не обижалась, а только посмеивалась, когда ее так называли. И пока жила она, все так и говорили: хата Сасулина, внуки Сасулины, Сасулин хлеб. И до сих пор так говорят, вспоминая о ней.

Изба ее, еще довоенная, вросшая в землю и крытая соломой, осталась ей памятью от мужа, погибшего на войне. Широкая заваленка обвивала избу со всех сторон, а у двери был большой навес, под которым можно было уютно посидеть, особенно, когда кралал несильный дождик и не надо было спешить по делам. В просторных сенях было прохладно, пахло березовыми вениками и всякими домашними запахами. В самой избе даже летом тоже было прохладно, потому что в маленькие оконца свет едва пробивался. Чуть ли не половину избы занимала огромная русская печка с просторной лежанкой сбоку. С ее внучкой мы забирались на печь и выискивали завалившиеся по щелям кирпичей сушеные семечки. Если мы начинали мочалиться, баба Саша незлобно поругивала нас, боясь, что мы пролопим печь.

— Ах вы, миллион вашей матушке, — тихонько выговаривала она...

Мы затихали, успокаивались.

В той самой печке выпекала она свой знаменитый хлеб, которым славилась на всю округу. Девтора знала заранее, когда она будет печь хлеб, и в этот день с утра стойкой собиралась у дома бабы Саше и, сидя терпеливо на завалинке, заглядывала в окна: скоро ли она будет вынимать хлеб. А за несколько дней до этого долгожданного дня бабушка Саша, словно колдунья, возилась с небольшой дежкой деревянной, где делала замес будущего хлеба. Долго и кропотли-

во она что-то там замешивала, потом месила, подливая время от времени понемногу воды. Работу всю эту делала неторопливо, молча, но как-то весело и легко. Когда тесто было готово, она ставила его в теплое место возле печки. Там оно бродило, шипело. Мы по очереди прикладывались ушами к дежке, слушали, вдыхали слабо-кислый аромат подхвачившего теста, и нам казалось, что там внутри идет какая-то невидимая работа.

Тесто тихонько подбиралось кверху, грозило вылезти через края, вздувалось, лопалось крошечными пузырьками, но бабушка Саша усмиряла его, обеими руками обминала и, вправляя его обратно, приговаривая вполголоса: — Идишь ты, расходилось...

Она всегда вместо видится говорила идишь, опуская первую букву и слегка растягивая само слово.

Хлебы она пекла особые, подкладывая под низ каравая листья клепа или капусты. Мы из всех сил старались угодить ей, выискивая самые большие и самые красивые пожелтевшие клепа и капуста, а капустные, с огромных кочанов, она сама собирала с огорода, укладывая на хранение в специально отведенное место.

Прежде чем поставить хлеб печь, она дочища вычищала днище жарко протопленной печки, и только потом большой деревянной лопатой, подложив под низ листья, туда, в легкий дух, вправляла хлебы. Там тоже шла работа, но уже другая: тепло обнимало слегка расползающееся тесто, схватывало горячим духом, словно останавливало, чтоб оно больше не ползло, а после пробирало насквозь равномерным жаром все больше и больше, подрумянивая со всех сторон аккуратные круглые буханки.

Слабый, едва уловимый запах поспевающего хлеба выбивался через щели заслонки. Выпущенный на волю, витал в воздухе, бродил под потолком, словно искал выхода наружу, но не находил и, скапливаясь, постепенно наполнял сладким, томительным духом всю избу. Но вся сила этого аромата обнажалась, когда баба Саша убирала заслонку. Он стремительно выметался из печи, обдав жаром и дурманящей силой запаха свежее испеченного хлеба.

Вынимала хлеб бабушка осторожно, словно хотела подольше продлить удовольствие, которое испытывала от любования своим детищем. Неторопливо, улыбаясь, и как-то торжественно она брала каждую буханку, переворачивая ее, горячую, в руках, несколько раз легонько постукивала по плоской ее стороне, сбивая пылинки, прилипшие к листьям. А эти листья, подсохшие, влившись в тесто и ставшие частью хлеба, приятно щекотали пальцы и казались необыкновенно вкусными, когда их потом откусывали вместе с хлебом. После, смочив горбушку чистой водой, осторожно укладывала в ряд на широкую, стоявшую вдоль стены под окнами лавку, укрывая чистым настольником. Спустя некоторое время угощала всех собравшихся под окнами детей свежим хлебом, вынося краюху на улицу, и там нарезала и раздавала ломти

каждому прямо в руки. Вкус того хлеба неперевариваем. И не потому, что это хлеб детства, где даже горькое через годы кажется сладким, потому что вся жизнь была впереди и никаких забот и страданий знаю, наверняка, лучше не бывает.

Доживала век баба Сасуля в большом новом доме своей дочери, который построил ее зять — трудяга, каких поискать. Он сам, своими руками, поставил в аккурат рядом с бабушкиной избой тот добротный дом, а избу за ненадобностью поломали на дрова.

В новом доме с большими светлыми окнами тоже была печка, но поменьше бабушкиной прежней, и хлеб в ней пекли очень редко, потому что настало время, когда хлеба и в магазинах было вдоволь. Бабушке было отведено почетное место возле чистой теплой печки, как сама она того хотела. В небольшом, занавешенном цветастой занавесью простенке умещалось все бабушкино богатство: кровать с парой подушек и лоскутным одеялом да неслишком большой сундук, прикрытый домотканой накидкой.

В последние годы своей жизни у нее разболелись ноги и она все больше сидела на кровати, свесив голые ноги на пол. В каждый мой приезд я навещала ее, привозила простенькие подарки: платки на голову, печенье в пачках, пряники и таблетки от головы, как она заказывала. С грустью глядела я на нее, ослабевшую и какую-то другую, на ее морщинистые руки с покривившимися пальцами, которые когда-то так ловко месили тесто, на всю ее, никогда не знавшую отдыха прежде. Даже в последнее лето своей жизни она сидела в грядках, потому что не могла без работы и любила порядок во всем: ее платочек днями белел за изгородью.

Глядя на нее, я вспоминала, как мы ходили с ней за вениками, как она вязала их, рассказывая неторопливо свои бесконечные рассказы о старине, о своей жизни вдовьей, о том, как она растила детей, как работала всю жизнь не покладая рук. Я вспоминала ее добровольную опеку над нашей семьей, когда мы были совсем маленькими, и мама, уходя на весь день в поле, оставляла нас с ней.

В один из моих приездов я не застала ее дома — положили в больницу. Я добралась по сугробам за семь километров до маленькой сельской больницы, где и лечили только немощных стариков. Когда я торжественно вручала ей сладости и многочисленные баночки с разными вареньями и медом, она глядела на меня и, не скрывая, плакала, не вытирая слез с лица. А я плакала вместе с ней, потому что видела, как на моих глазах из нее потихоньку уходила жизнь, потому что бабушка вся износилась. Ее не стало без меня, и баба Сасуля так и не узнала, что была она воплощением самой большой несбывшейся моей детской мечты. Да я и сама поняла это только много лет спустя.

М. БАЛЬЗАРАЙТЕНЕ.